Валенок

Джи Майк

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

1-е место на конкурсе перевёртышей 'А был ли мальчик' в Творческой мастерской, КЛФ. Опубликован в журнале "Полдень XXI век", Санкт-Петербург за 07/2010. Также опубликован в сборинке АСТ "Полдень, XXI век", АСТ, Москва, 09/2011. Также опубликован в сборнике "Русская фантастика-2012", "Эксмо", Москва.

- Джи Майк

Джи Майк
Валенок

Центр реабилитации — за городом, в двух километрах от Комарово. Пилить минут сорок, если без пробок. В пути молчим. Я курю в окно, Андрюхин сосредоточенно крутит баранку и недовольно сопит, когда сигаретный дым ветром заносит обратно в салон. Андрюхин не курит, единственный из нашей группы, остальные дымят вовсю. Что поделаешь, издержки профессии, выпивать на работе мы не имеем права — от алкоголя теряется адекватность. А от никотина — нет, так что нервы приходится осаживать именно им. Андрюхин, впрочем, ещё и не пьёт. Тоже единственный из нас.

На территорию центра въезжаем ровно в девять. Похвальная точность, как раз к официальному началу рабочего дня. На самом деле это, конечно, фикция. Наш рабочий день ненормированный и начала не имеет. Так же, как и конца. Ещё у нас нет выходных и отпусков. То есть официально опять-таки есть, а на самом деле в такие дни мы попросту работаем меньше, чем обычно.

Виктор, дежурный врач, пожимает нам руки. Вопросов он не задаёт, мы знакомы не первый год, и цель нашего визита известна.

— Четверо новеньких, — говорит Виктор.

Он раскрывает старомодную шнурованную папку. Компьютеров в реабилитационном центре не держат принципиально, так что истории болезни чумовых от руки заносят на бумагу. Ещё здесь не работают мобильные телефоны и блокирована спутниковая связь. Райское местечко. Для тех, кто понимает. Мы — понимаем.

— Маркова Анастасия Викентьевна, — бегло зачитывает Виктор, — двадцать семь лет, нервный срыв. Мкртычанц Владимир Суренович, тридцать восемь лет, попытка суицида. Абрамова Мария Николаевна, семьдесят два, тоже суицид на фоне общего истощения организма. И, наконец, гражданин, отказавшийся себя назвать. Возраст, соответственно, неизвестен. Голодный обморок. Первая помощь оказана всем четверым, состояние на настоящий момент удовлетворительное.

Андрюхин берёт на себя старуху Абрамову и чумового с труднопроизносимой фамилией. Суицидники — его кредо. Мне остаются девушка и господин инкогнито. Решаю начать с него. Дежурная медсестра провожает меня в палату. Мистер икс возлежит на койке, отрешённо уставившись в потолок. На вид ему

лет двадцать пять. Длинный и тощий, едва не дистрофик. Небрит, по крайней мере, с неделю, нечёсан, похоже, столько же. Во взгляде безразличие, как и у всех чумовых во время ломки. Впрочем, ломку я сейчас прекращу — вид удостоверения сотрудника "Антивирта" этому несказанно способствует.

— Капитан Соколов, — представляюсь я и усаживаюсь на табурет. — Здравствуйте. У меня к вам ряд вопросов. Ответить на них в ваших же интересах.

Эти фразы стандартные, произносить их при знакомстве я обязан. Дальнейшее — импровизация и зависит от того, как сложится разговор.

— Как тебя зовут? — перехожу я на "ты". — Фамилию пока можешь не называть.

Парень молчит. Что ж, он в своём праве, допрашивать его я не могу, никакого преступления он не совершил, если, конечно, не считать преступлением злостное пренебрежение собственной жизнью.

— Мне нужна твоя помощь, — делаю я вторую попытку. — Наш разговор останется между нами. Я обещаю не читать тебе морали и не давить на психику. Если ты поможешь мне, я сделаю всё, что от меня зависит, чтобы помочь тебе.

Чумовой криво ухмыляется и молчит. Не нравится мне эта ухмылка, я уже понимаю, что разговор не состоится. Передо мной не новичок, и эта реабилитация у него наверняка не первая. До неё явно были другие, а значит, душещипательные и душеспасительные беседы для него не в новинку. Я уже собираюсь распрощаться, но неожиданно парень подаёт голос.

— Пошёл ты на хрен, мусор, — говорит он. — Грёб я тебя вместе с твоей помощью, козёл.

Были дни, когда в ответ на подобное пожелание я с трудом удерживался, чтобы не засветить клиенту по морде. Были сразу после того, как умерла Вера и я подал рапорт о переводе в "Антивирт". Только эти дни давно уже позади, за пять лет работы я научился не обращать внимания на оскорбления и грязь. Правда, оставлять инвективу без ответа не позволяет чувство собственного достоинства. А может быть, честь мундира, хотя я давно уже перестал эти два понятия различать.

— Как знаешь, — говорю я спокойно и улыбаюсь ему. — Можешь послать меня ещё пару раз, мне не привыкать. И совершенно безразлично то, что говорит покойник.

Я встаю и двигаюсь на выход.

— Я не подохну! — орёт он мне в спину. — Слышишь, ты, мент, мать твою так и эдак. Не подохну. Тебе назло не подохну, ты, гад.

Я открываю дверь и, обернувшись к нему с порога, напутствую:

— Непременно подохнешь. Я таких, как ты, чумовых, во всех видах видал. Полгода тебе осталось, не больше, если не соскочишь. А соскочить ты уже не можешь — кишка тонка. Так что и хрен с тобой.

Это действует на него почище любого свинга в морду. Парень на секунду застывает на койке, потом его начинает трясти. Он, жалко дёргая кадыком, силится что-то сказать, но вместо слов издаёт лишь невнятное мычание.

— Если передумаешь, я буду здесь ещё с полчаса, — говорю я и захлопываю входную дверь.

В коридоре встречаю Андрюхина. Это, кстати, не кличка или не вполне кличка, такая у моего друга фамилия. И зовут подходяще — Андрей Андреевич, так что необходимости в кличке попросту нет, фамилия её вполне заменяет.

— Старуха в отказе, — говорит Андрюхин. — Ну, я на неё особо и не рассчитывал.

Я киваю и двигаюсь дальше. То, что пожилые люди не идут на сотрудничество — в порядке вещей. Фактически, им это сотрудничество ни к чему, и, возможно, для них Чума, в отличие от прочих, во благо. Особенно для одиноких. Что-что, а лёгкую и быструю смерть Чума желающим дарит. Так что… Я мысленно усмехаюсь. Когда-то подобные мысли я считал кощунством и мучился угрызениями совести, когда они приходили на ум. Те времена, однако, безвозвратно прошли.

— Капитан Соколов. Здравствуйте, Анастасия. У меня к вам ряд вопросов. Ответить на них в ваших же интересах.

Видимо, до тех пор, пока не подсела на Чуму, девушка была достаточно миловидной, а то и красивой. А скорее всего, просто красивой, без всяких "достаточно". Сейчас, однако, ни красивой, ни миловидной её не назовёшь. Спутанные, неровно и невесть когда последний раз стриженные каштановые волосы. Потухшие, неживые глаза, бледная, словно выгоревшая кожа на лице, тощие, чуть ли не прозрачные руки, обкусанные ногти с остатками древнего маникюра.

— Как вы себя чувствуете? — мягко спрашиваю я.

— Сколько меня здесь продержат? — вместо ответа задаёт вопрос девушка. У меня достаточно опыта, чтобы уловить в её голосе с трудом сдерживаемое отчаяние.

— Не знаю, это определит лечащий врач. Но чем дольше вы здесь пробудете, тем лучше для вас.

— Лучше… Для меня. Как вы можете это говорить, капитан.

Вы ведь наверняка знаете многих. Таких… Таких, как… Как я.

— Чумовых, — уточняю я. — Да, через меня прошли многие. Именно поэтому я знаю, о чём говорю.

— Что будет с моим аккаунтом?

Я мысленно собираюсь, сосредоточиваюсь. Обычно к этому вопросу будущего крестника приходится подводить. Девица же задаёт его сама — это, несомненно, удача.

— Ты знаешь это лучше меня, Настя, — я перехожу на "ты" и стараюсь, чтобы голос звучал доверительно. — Всё зависит от того, какой он у тебя, этот аккаунт.

Девушка опускает голову и молчит. Святая святых Чумы — тайна аккаунта, фактически, тайна личности.

— У меня продвинутый акк, — говорит, наконец, девушка очень тихо, мне приходится напрягаться, чтобы расслышать. — К нему необходим ежедневный доступ. Иначе…

Она замолкает. Я заставляю себя мобилизоваться. Продвинутый аккаунт, завязанный на сотни, а может, и на тысячи чумовых, с доступом к тайнам и дипломатии высших ступеней — девица даже не представляет себе, насколько то, что она сказала, для меня важно. Думает лишь о том, что будет, если акк не поддерживать.

Сейчас всё зависит от моего профессионализма, от того, насколько я сумею быть с ней тактичен и деликатен. Ошибка может обернуться фатально, а значит, стоить жизни десяткам, а то и сотням чумовых. Девица готова к сотрудничеству. Если удастся её вербануть…

— Настя, — говорю я и беру её за руку. — Насколько продвинут твой аккаунт? Нет-нет, я не спрашиваю тебя об идентификации. Никаких тайных сведений, ничего такого. Просто скажи мне: насколько? От этого зависит многое, очень многое. Для тебя, в первую очередь. Доверься мне. Пожалуйста. Я здесь для того, чтобы оказывать помощь таким, как ты. Я не причиню тебе вреда, клянусь, даю слово чести офицера.

Я замолкаю. Она не отнимает руки, но голова по-прежнему опущена, потом на щеках появляются слёзы. Их становится всё больше, через полминуты она уже плачет навзрыд. Чёрт возьми, иногда я ненавижу свою работу.

— Как вас зовут? — она, наконец, поднимает глаза. Слёзы ещё текут, но уже не так обильно. Я по-прежнему держу её за руку. Ловлю себя на том, что мне её жалко. Не хватало только расчувствоваться, профессионал хренов.

— Валентин. Можно Валя. А можно так, как называют друзья и близкие люди, — приём испытанный, я как бы невзначай включаю её в список близких. — Они зовут меня Валенком.

— Валенком, — девушка улыбается, едва заметно, уголками губ, в глазах появляется интерес. — Надо же, — тихо говорит она. — Такое уютное, домашнее прозвище.

Верно. Уютное и домашнее. А ещё располагающее к тому, кто его носит, неплохой козырь в игре на доверие. Второй козырь — внешность. Шеф говорит, что с моей простецкой мордой не в `Антивирте' работать, а позировать для сельских пасторалей или иллюстраций к сказкам про недотёпистого Иванушку-дурачка.

— Ты хотела мне кое-что сказать, Настя, — развиваю успех я. — Про свой аккаунт. Насколько он продвинут?

Интерес исчезает из глаз, девушка смежает веки. Настырный, неуклюжий болван, кляну я себя, неужели я всё испортил?.. Внезапно она вновь поднимает взгляд. Теперь в нём решительность.

— Очень продвинутый. Третья ступень. Клан Россия. Статус Герцогиня. Вы ведь это хотели знать, капитан Валенок?

Я не обращаю внимания на сарказм и едва сдерживаю готовый вырваться возглас изумления. Третья ступень — невероятно, такого я не мог предположить даже в самых смелых ожиданиях. Сколько же их, чумовых третьей ступени… Десяток. От силы полтора. Выше них лишь три мерзавца-советника и эта гадина, император. Впрочем, возможно, она попросту врёт.

— Я не вру, — устало говорит девушка, словно просканировав мои мысли. — Герцогиня де Шале — это я. Пароли не дам. Впрочем, вам они не помогут, у меня стоит дактилоскоп, без отпечатков пальцев войти невозможно.

— Сколько же ты в игре, девочка? — говорю я сочувственно. И удивлённо ловлю себя на том, что сочувствие — искреннее.

— Девять лет. В последние годы — ежедневно, едва не ежечасно. Вы должны это понимать, такой аккаунт. В него вложено всё. Всё, что у меня есть. И было.

Я понимаю. Не в деталях, конечно, как она, но понимаю. Чудовищная, сумасшедшая власть. Над тысячами несчастных. Да какое там, над десятками тысяч. Постоянное напряжение. Интриги, комплоты, предательства, войны. Виртуальные. Миллионам людей заменившие реал.

— Вы поможете мне?

— Да, — говорю я твёрдо, — помогу. Я должен сейчас уехать. Через три часа вернусь, максимум через четыре. На своей машине, сейчас я на служебной. Готовься, я заберу тебя. Ты можешь мне доверять.

— Кстати, почему? — спрашивает она медленно и как-то очень серьёзно. — На каком основании я должна довериться вам?

— Ты ничего мне не должна, — я достаю из бумажника

фотографию. — Так же, как я ничего тебе не должен. На, взгляни. Её звали Верой, на фотке ей двадцать три. В этом возрасте её не стало. Пять лет назад. Её сожрала Чума, так же, как и многих.

— Ваша девушка?

— Невеста. Мы знали друг друга с пелёнок. Должны были пожениться. Она не дожила до свадьбы неделю. Тебе придётся мне поверить. Для меня Чума значит не меньше, чем для тебя. Только интерес у меня другой. Я помогу тебе сохранить аккаунт. Потом ты поможешь мне. И — я тебя не сдам. Захочешь, останешься в игре.

На обратном пути я сажусь за руль, Андрюхин расслабляется на пассажирском сидении.

— У меня по нулям, — лениво говорит он. — Этот, как его, Мыкрты, Тыкырмы, считай, покойник. Последняя стадия, хуже, чем у старухи. А как у тебя?

— Девушка, возможно, пойдёт на сотрудничество. Сейчас доложу о ней шефу, — осторожно говорю я. — Если получу санкции, будем её раскручивать.

— Тухлый номер, — авторитетно заявляет Андрюхин. — Таких, как она, я видывал тягач с прицепом. Типичная истеричка и стерва.

Не знаю почему, но эта фраза отбивает у меня охоту продолжать разговор.

Вот что мне не нравится в Андрюхине — так это его категоричность. В остальном он — отличный парень, прекрасный друг и надёжный соратник. Его можно поднять среди ночи и попросить о помощи — ни за что не откажет, в лепёшку расшибётся, но сделает. Не говоря уже о таких мелочах, как перехватить до зарплаты — у нас половина группы Андрюхину должна, со сроком отдачи до "когда будут". Работает он как вол, а скорее, как стадо волов, и Чуму ненавидит так, как мы все вместе взятые. Я дружу с ним с первого курса юридического, и в "Антивирт" меня привёл он. Вернее, затащил чуть ли не силой, фактически, вырвал из лап Чумы, когда после Вериной смерти я стал стремительно в неё погружаться. Рекомендацию мне тоже дал он, и он же упросил шефа принять на апробацию.

Шефа нет на месте, ребята говорят, что обещал быть через час Я вхожу в сеть и подключаюсь к Чуме. Монитор выплёвывает на экран накачанного молодчика в лиловом камзоле, залихватски скошенной на левый глаз беретке с пером, и при шпаге. На башке у молодчика буйная растительность цвета жухлой соломы. На морде — придурковатые лупошарые глаза, отчаянно курносый

шнобель и массивный подбородок, как у гориллы. Ещё имеются внушительные мосластые кулачищи, обтягивающие панталоны под цвет камзола, и снабжённые шпорами говнодавы размера так сорок восьмого. Этот красавец, разумеется, мой персонаж. Идентификатор — Валенок, одиннадцатая ступень, клан — Россия, статус — Рыцарь. Чем-то он похож на меня, точнее, на писанную с меня карикатуру.

За пять лет игры персонажу удалось одолеть четыре ступени. Это — предел, дальше он не пойдёт, даже если я буду зависать в Чуме двадцать четыре часа в сутки и накоплю тонны виртуального золота. Коэффициент лояльности сэра Валенка, определённый деятелями высших ступеней, увы, близок к нулю. А значит, карьерный рост и допуск к тайнам империи ему не светит. Низкий коэффициент неудивителен — сдать меня имели прекрасные шансы десятки крестников, и часть их наверняка этими шансами воспользовалась. Доказать в Чуме нельзя ничего: козни, заговоры и предательство — элемент игры, заложенный разработчиками и активно пользуемый. Однако вверх продвигаются лишь "надёжные", сумевшие проявить верность и продемонстрировать лояльность тому, кто на ступень выше.

Одиннадцатая же ступень, та, что четвёртая снизу, делает сэра Валенка владельцем дюжины виртуальных деревень, а также номинальным командиром сотни виртуальных вояк. Большинство из которых, впрочем, класть на него хотели ввиду бесперспективности.

Я прилаживаю на голову потёртый служебный шлем и ухожу в виртуал. Что ж, разработчикам надо отдать должное, мир вокруг меня вполне реален, объёмен и цветаст. Требуется даже некое умственное усилие, чтобы осознать его виртуальность. Прежде всего, к услугам дорогого сэра — виртуальная лавка. Здесь ему ненавязчиво предлагают приобрести страшенного вида меч, пару-тройку магических жезлов и дюжину артефактов. Также можно купить золото, виртуальное, разумеется, за недорого. А можно и не покупать: для того, чтобы стать счастливым владельцем меча, например, нужно пройти квест. Обладатель определённого опыта потратит на него пару часов, при отсутствии такового квест может занять сутки. Мне, впрочем, меч ни к чему, так же, как ни к чему и золото. И то, и другое — атрибутика, необходимая для достижения следующей ступени, которая для моего персонажа — увы, увы, недоступна.

За полдня отсутствия у доблестного сэра Валенка накопилось немало личных сообщений. Игнорирую предложение заняться сексом от персонажа Баба Неяга, пятнадцатая ступень, статус Простолюдинка. Туда же, в мусор, уходят: вызов на дуэль от сэра

Эдмона Д., одиннадцатая ступень, статус Рыцарь; пожелание как можно скорее сдохнуть от Абрама Царевича, двенадцатая ступень, статус Арендатор; и приказ немедленно явиться пред очи от его милости Нечипоренко, десятая ступень, статус Барон. Остальные сообщения — от крестников, тех, которые числятся за мной, и которых "Антивирт" худо-бедно блюдёт и подкармливает. Большей частью, сплетни и домыслы. Иногда информация, заслуживающая внимания. Иногда — проверки. И иногда — требующая немедленных действий. Ради этой, последней, мы и работаем, просиживая час за часом в ненавистной Чуме. Дерёмся на шпагах и саблях, накладываем заклятья и проклятья, пускаемся в замысловатые квесты, вступаем в коалиции и любовные связи… Сводничаем, предаём, изменяем, двурушничаем. И во всей этой суете, в бессмысленном мельтешении и бесконечных дрязгах, иногда чумового удаётся вытащить. Кнутом ли, пряником — неважно. Вытащить, выдрать из Чумы, иногда вынуть из петли и в фигуральном, и в буквальном смыслах.

Предложение заняться сексом поступает вновь. На этот раз госпожа Неяга является личной персоной. Виртуальной, разумеется. Ну да, красотка хоть куда. Фигурка, сиськи, задница — по лучшим канонам. И, кстати, чудный голос — если её собственный, а не преобразованный универсальной приставкой "Excellent Voice", то вполне-вполне. Мне предлагаются регулярные сеансы интима в обмен на протекцию.

— Оральный, анальный, вагинальный, — чудным девичьим голосом перечисляет визитёрша.

Меня корёжит. Наверное, больше, чем от чего-либо другого в Чуме, хотя есть в ней вещи гораздо страшнее и отвратительнее. Виртуальная продажная любовь. Нет, даже не продажная — сдельная. Многие, впрочем, находят в этом отдушину. Говорят, что ощущения максимально близки к реальным. Ко всему, безопасно, стерильно и без последствий. Интересно, бывает ли стерильная грязь.

— Только не упусти, Валюха, — говорит шеф, выслушав мой отчёт. — И вот что — не рассказывай никому, даже ребятам. Помнишь, что знают двое, знает и свинья. А нас и так уже двое, так что давай по возможности свинью исключим.

— Мне нужна санкция, чтобы забрать Маркову из диспансера.

— Знаешь, езжай прямиком туда, — говорит шеф решительно. — Я позвоню замминистра, к твоему приезду должен уже быть приказ. А если не успею — хочешь, кради её, хочешь, забирай силой. Будут эксцессы — вали на меня как на мёртвого.

Всё понял? Ступай.

В середине двадцать первого века компания `Virtual Life; Incorporated' ураганом ворвалась на рынок компьютерных игр и смерчем прошлась по нему; вытесняя одних конкурентов и поглощая других. Разработанная компанией игра `Full Virtual' распространилась мгновенно и вскоре перетянула на себя большую часть потребителей. Заложенные в `Full Virtual' возможности впечатляли. Да что там, они были попросту грандиозны. Фактически, `Full Virtual' объединила в себе то, что годами нарабатывали занимающиеся компьютерными играми фирмы.

Игра предоставляла пользователям возможность прожить вторую жизнь. И не просто прожить, а так, как никогда не удалось бы в первой.

Виртуальный мир был разбит на империи-кланы, по клану на страну. Каждый клан управлялся пирамидальной структурой, на пике которой восседал император. Власть его была абсолютной, до тех пор, пока удавалось удержаться на троне. Император был волен казнить и миловать подданных, объявлять и прекращать межклановые войны, вступать в союзы и расторгать их. Ему принадлежали виртуальные города и провинции, неограниченный запас золота, арсеналы со средневековым оружием и склады с магическими амулетами.

Дворянские заговоры против короны, равно как сопутствующие восстания и бунты, были в империях делом обычным и происходили регулярно. Иногда предводителям удавалось договориться с властью, и тогда они пополняли собой ряды приближённых. Чаще восстания подавлялись, а бунтовщиков и заговорщиков брали к ногтю. Их виртуальные владения отходили в казну или распределялись между царедворцами.

К концу шестидесятых `Virtual Life' стала практически монополией, полностью поглотив игровой рынок. Появились пособия и руководства по игре, а вслед за ними и энциклопедии — многотомные труды, посвященные игровым нюансам, стратегиям и тактикам. А также появились первые жертвы.

Поначалу число их было невелико. Затем, однако, по мере вовлечения новых и новых игроков, по мере стабилизации и усиления власти в империях, по мере накопления властями опыта, количество неудачников, неугодных и не выдержавших стало увеличиваться лавинообразно. Для всё большего и большего числа людей вторая жизнь, яркая, авантюрная и насыщенная, оказывалась важнее первой, детерминированной,

куцей и бесперспективной. А для многих эту, первую, вытеснила, перечеркнула и заменила собой. Подавленные восстания в виртуальной империи стали завершаться десятками смертей и суицидов в реале. Раскрытые заговоры, усмирённые бунты, провалившиеся интриги, проигранные войны оборачивались сотнями жертв. Вскорости к ним добавились жертвы несчастной виртуальной любви. А за ними — жертвы многочисленных обстоятельств, неудач и фиаско, возможностей для которых виртуальный мир предоставлял в избытке и изобилии.

Корпорация `Virtual Life' накрыла мир исполинской паучьей сетью, поглощая, порабощая и захватывая всё, до чего могла дотянуться. Монстр вырвался на свободу, водворился на планете и принялся с наслаждением её калечить и высасывать из неё соки. Он постоянно совершенствовался и выплёвывал в мир новую и новую заразу. Шлемы, максимально приближающие виртуальные ощущения к реальным. Приставки, позволяющие осязать предметы и обонять запахи. Устройства и программы, наблюдающие, систематизирующие и осуществляющие контроль.

Чумой двадцатого столетия стал СПИД. Чумой двадцать первого — компьютерная игра `Full Virtual'. В результате её стали называть попросту Чумой. Повсеместно.

С Чумой пытались бороться. Пытались преследовать её в судебном порядке, ограничивать, запрещать. Попытки закончились крахом. Адвокаты Чумы один за другим выигрывали судебные процессы. Влияние и могущество корпорации с каждым годом увеличивались, капитал рос и вскоре стал баснословным.

Единственной организацией, оказывающей реальное сопротивление, стал `Антивирт'. В него стекались те, кому было небезразлично. Такие, как я, которых Чума ужалила бубонной язвой, умертвив родных и близких. И такие, как Андрюхин, которые попросту ненавидели Чуму оттого, что она есть.

Сначала отделения `Антивирта' создавались при районных прокуратурах. Центры — при городских. Потом особым приказом президента `Антивирт' был отделён от судебных и исполнительных органов и превращён в самостоятельную организацию. Военную или, скорее, полувоенную, подчинённую министру внутренних дел. Практически одновременно организации с аналогичными функциями были созданы и в других странах.

Конечно, мы не могли бороться на равных. Нас было мало, и финансирование `Антивирта' не шло ни в какое сравнение с капиталами корпорации. Но что могли — мы делали. Как умели — боролись. Кого удавалось — спасали. И до кого дотягивались — карали. Правда, это случалось редко. Иногда мы умудрялись

сковырнуть Барона, эдакого локального царька, упивающегося безнаказанностью и властью. Реже — Графа или Виконта, ещё реже — Князя или Маркиза. И так ни разу и не добрались до высших ступеней.

А вот коллегам из Франции это удалось. И британцам. И аргентинцам. И ещё в десятке стран ребятам удалось добраться до самой верхушки. Скинуть местного Гитлера или Аттилу и, воспользовавшись образовавшейся неразберихой, протащить наверх "своего" и установить некое подобие конституционной монархии.

— Ничего, — частенько говорит Андрюхин. — Достанем их, гадов. Они боятся нас и правильно делают. Жаль только, всех достать не удастся. Их, сволочей, там паровоз с прицепом.

Дежурный врач в реабилитационном центре сменился.

— Мне звонили, что ты приедешь, — бурчит новый дежурный. — Я велел медсёстрам — Маркову сейчас собирают. А пока что тебя хочет видеть один пациент.

— Тот, анонимный?

— Хрононимный. Поговоришь с ним?

Мистер икс сидит на койке в той же позе, в которой я его оставил. Я вхожу и присаживаюсь на табурет. С минуту мы играем в молчанку.

— Ты был прав, капитан, — наконец говорит он и протягивает руку. — Извини. Я — Артём. Можно Артюха.

— Валенок, — я жму ему руку.

— Прямо таки Валенок? — он улыбается.

— Прямо таки.

— Ладно. Понимаешь, ты был прав тогда, — улыбка сходит у него с лица. — Я не жилец. Мне не соскочить, никогда, да и смысла нет.

— Есть смысл, — говорю я. — Клянусь, есть. Доверься мне, я тебя вытащу. Я вытаскивал таких, как ты.

Он смотрит на меня исподлобья. Долго, потом спрашивает.

— Надо будет стучать?

Проклятье. Сколько раз я слышал этот вопрос.

— Сотрудничать, — говорю я. — Послушай, Артём, я не стану обещать тебе золотые горы. Я вообще обещать не стану. Собственно, не ты, так другой. Другие. Не в этом дело. Мы помогаем людям, понимаешь? Помогаем реально. Иногда деньгами. Не бог весть что, но всё же. Но главное — мы даём поддержку. Если тебе станет плохо, ты можешь позвонить мне. Оставить сообщение в Чуме. Не мне, так другому. Мы не бросаем своих.

Он сглатывает слюну.

— Как ты их называешь? Ну, этих. Которые соглашаются.

— Крестниками.

— Сколько крестников тебя кинули?

Я чувствую, что начинаю краснеть.

— Много, — произношу я глухо. — Очень много. Наверное, каждый второй.

— В том-то и дело, — говорит он. — Я не кидаю. Никогда не кидал и не стану. Но если я соглашусь на… — он запинается, — на сотрудничество, мне придётся тебя кинуть. Мне не выбраться оттуда, понимаешь. Не соскочить. У меня ничего не осталось, только Чума. Я подсел на неё и думал: поиграю и брошу. Не вышло, меня затянуло, как и других. А потом меня подставили. Я дорос до десятой ступени, а один подонок на девятой, он обещал…

— Подожди, — прерываю я его. — Не рассказывай мне сейчас. Вот мой телефон. Выйдешь отсюда — позвони. В любом случае позвони, ладно? Я покажу тебе, как мы работаем. Покажу, что мы делаем. Что можно сделать. Потом решишь. Позвонишь?

— Хорошо, — говорит он. — Обещаю.

— Мне сказали, что сёстры тебя собирают, — говорю я Насте. — А они, по всему, отвели тебя в салон красоты.

Настя преобразилась. Она совсем не похожа на себя утреннюю. Передо мной стройная, уверенно держащаяся миловидная девушка.

— Я всего лишь одолжила немного косметики, — говорит она. — Я тебе нравлюсь?

— Да, — говорю я искренне и вновь краснею, как недавно с Артёмом. — Пойдём, машина во дворе.

— Что я должна буду делать? — спрашивает Настя, когда мы выезжаем на автостраду.

— Ничего. Пока ничего. Я не стану просить тебя никого подставлять или сдавать. За одним исключением.

— Вот как. Каким же?

— Настя, — говорю я. — Давай я не стану читать тебе морали и скажу напрямик. Ты ведь представляешь, чем мы занимаемся?

— В общих чертах.

— Хорошо. Меня интересует информация. На одного человека. Если, конечно, можно назвать его человеком.

— На императора?

— Да.

— Что тебя интересует?

— Всё. Всё, что ты о нём знаешь.

— Что ж… Это страшный человек.

— Я догадываюсь. Можно конкретней?

— Боюсь, что конкретики мало. Никто не знает ни кто он, ни где живёт, ни сколько ему лет. У него механический, пропущенный через преобразователь голос. А вот он… Он знает всё. Обо всех. Обо мне тоже. Знает, кто я. Где живу. Как выгляжу.

— Даже как выглядишь? Каким, интересно, образом?

— Однажды он велел мне явиться в одно достаточно пустынное место. Я пришла. Он проехал мимо на машине. Посмотрел на меня. И исчез. А возможно, это был и не он. А кто-то, меня сфотографировавший. Так он поступает со всеми, кого приближает. Это ужасный человек. Беспощадный. Он забавляется тем, что тасует людей. Как карты в колоде. Играет ими, жонглирует.

— Хороший мальчик, — говорю я. — Как он выглядит? Виртуально, разумеется.

— Так же, как его персонаж.

— Вот как? Кто же его персонаж?

— Он называет себя "товарищ Сталин".

В квартире у Насти даже не беспорядок — погром. Я ошеломлённо останавливаюсь на пороге. Как сказал бы Андрюхин — бардак с прицепом.

— Извини, не помню уже, когда делала уборку, — говорит Настя стыдливо. — Не до неё было. А потом — не успела.

— Ничего, — говорю я. — Ты уверена, что я могу войти? Сейчас самое время меня кинуть.

— Эх ты, Валенок. Я не кидаю.

Символично. Сегодня я слышу эти слова уже второй раз. Я вхожу, и Настя, взяв меня за рукав, тащит по коридору.

— Пожалуйста, не оглядывайся, мне действительно стыдно. Зато в спальне у меня полный порядок.

Спальней, впрочем, назвать это трудно. От неё в комнате лишь кровать в углу. В остальном это больше похоже на небольшой компьютерный центр.

Настя входит в сеть. На мониторе — заставка Чумы. Девушка вопросительно смотрит на меня.

— Я не стану мешать, — говорю. — Заходи, делай, что следует, на меня не обращай внимания. Ах да, одна просьба. У тебя сохранились его сообщения?

— Кого? Императора?

— Да.

— Конечно. В архиве. Правда, их немного, он предпочитает личные беседы.

— Совсем как покойный тёзка, — говорю я. — Скинь, пожалуйста, то, что есть, на флэшку. Я дома ими займусь.

Выхожу из спальни и принимаюсь за уборку. Часа три я драю полы, уничтожаю кладбища пыли и перемываю кордильеры посуды. Под конец чувствую, что устал как пёс и как он же голоден.

— И этого человека называют Валенком, — говорит смущённая Настя. — Я закончила, сейчас будем пить чай. У меня где-то должно быть печенье. И коньяк.

С хрустом уминаю коробку печенья. Чай никуда не годится, зато коньяк хорош.

— У тебя есть кто-нибудь? — спрашивает Настя.

Давлюсь печеньем. Спешно запиваю его коньяком.

— Нет. Я один. С тех пор, как Вера… Ну, ты понимаешь. Были, конечно, связи. Кратковременные. А у тебя?

— Никого. И не было. С тех пор, как подсела на Чуму.

Вторично давлюсь печеньем.

— Ты шутишь?

— Нет. У меня был парень. Тогда, девять лет назад. Мы встречались. Долго, больше года. Потом я забеременела. И он меня бросил. Ребёнок так и не родился, я не доносила, выкидыш на шестом месяце. К тому времени я уже подсела на Чуму. Тогда она спасла меня, я едва не наложила на себя руки.

Смотрю ей в глаза. В них слёзы. С трудом удерживаюсь от желания немедленно её поцеловать. Чёрт возьми, не хватало только влюбиться. В чумовую третьей ступени. Герцогиня де Шале… На ней наверняка такое… Чтобы достичь её положения в империи, надо пройти по трупам. И, тем не менее, она мне отчаянно нравится, и коньяк тут ни причём. Как сказал бы Андрюхин — абзац с прицепом. Я встаю.

— Уже поздно, Настя, — говорю. — Я пойду. Вернусь завтра утром, и начнём работать.

Она поднимается вслед за мной. Делает шаг. Её лицо напротив моего.

— Может быть, останешься?

Я отстраняю её и двигаюсь к двери.

— До завтра, — говорю я.

— До завтра. Я буду ждать. Эх ты, Валенок…

Домой добираюсь заполночь. Спать хочется патологически, но за меня мою работу никто не сделает. Сбрасываю содержимое флэшки на диск и сосредоточиваюсь. В этот момент звонит телефон. Снимаю трубку. Андрюхин.

— Валенок, ты?

— Нет, тень отца Гамлета. Ты в курсе, сколько времени?

— Чёрт, заработался, извини. Дел — самолёт с прицепом. Слушай, есть одна тема. Можешь прийти завтра пораньше?

— Извини, не могу. Меня завтра не будет, шеф в курсе. Если что, звони на мобильный.

— Ладно, — Андрюхин разъединяется, а я приступаю к прослушиванию.

Действительно механический, неживой голос. Я с трудом удерживаю внимание на том, что он говорит. Какие-то графы, баронеты, дипломатические ноты, походы, дуэли, квесты… К чертям.

Засыпая, думаю о Насте. А ведь мог бы сейчас… Валенок.

Жму кнопку дверного звонка. Раз, другой. На часах десять утра, неужели до сих пор спит. Делаю минутный перерыв и звоню опять. Безрезультатно. На всякий случай стучу кулаком в дверь. Она внезапно поддаётся — между косяком и дверным каркасом образуется щель. У меня появляется дурное предчувствие, хотя Настя, возможно, специально отперла замки к моему приходу, а сама сейчас в ванной.

— Настя, к тебе гость, — кричу я с порога.

Ответа нет. Я толкаю дверь и вхожу.

Настя лежит на полу ничком, в двух шагах от входа. Я падаю перед ней на колени, хватаю за руку.

Настя мертва. Под головой натекло красным. Холод от её руки прошибает меня насквозь.

Поднимаюсь и на ватных ногах бреду в спальню. Меня шатает, хватаюсь за дверной косяк, чтобы не упасть.

В спальне разгром. Развороченный компьютер, вырванные провода, осколки разбитого монитора на полу.

Спиной по стене сползаю на пол. Меня мутит. Это я её убил. Я. Останься я у неё на ночь, она была бы жива. Валенок. Проклятый Валенок.

Усилием воли достаю мобильник. Звоню шефу. Через час в квартире уже уйма народу.

— Смерть наступила часов семь-восемь назад, — говорит кто-то. Наверное, доктор. — Точнее покажет экспертиза. Обширная гематома в области виска, похоже на сильный удар, нанесённый тупым предметом. Да, вне всяких сомнений, убийство.

Не помню, как добираюсь домой. В голове путаные обрывки мыслей, лишь одна связная — та, что убийца я. "Спаситель хренов, — стреляет она в висок. — Доверься мне, я тебя вытащу. И тебя вытащу. И тебя. Вытащил. На тот свет".

Усилием воли беру себя в руки. О том, что у Насти третья ступень, никто не знал кроме меня и шефа. Ах, да, знал ещё император. Он же товарищ Сталин. Но он не знал остального, не мог знать. Насти не было в сети меньше суток. Мало ли почему, сотня возможных причин. Получается…

Додумать не даёт телефонный звонок. Снимаю трубку.

— Привет, это Артём. Ты просил позвонить, помнишь?

С трудом переключаюсь и соображаю, что Артём это бывший инкогнито из реабилитационного центра. Я обещал ему показать, как мы работаем. Вот и прекрасный случай показать. На примере, работник хренов.

— Здравствуй, Артём, — говорю я устало. — Тебя выписали? Ты где сейчас?

Оказывается, недалеко от меня. В десяти минутах.

— Приезжай, — говорю я. — Поговорим.

Диктую адрес и плетусь на кухню варить кофе. В голове — пустота, вакуум. И ещё чувство вины, выматывающее, вытягивающее жилы. Впрочем, оно, наверное, не в голове.

— Такие дела, — говорю, отодвигая пустую кофейную чашечку. — Вот такая дрянь над вами властвует. Подумай, ведь эта заразу недаром называют Чумой. Она сама по себе предполагает засилье всякой сволочи. Кто наглее, подлее, беспринципнее, тот лезет наверх. А тех, у кого есть совесть, сжирают.

— Всех сжирают, — угрюмо говорит Артём. — И тех, которые с совестью, и тех, которые без.

— Ладно. Пускай будет всех. Не суть. Или суть, неважно. Понимаешь, такая гадина не должна жить. Права не имеет. А он живёт и здравствует. Изгаляется, глумится, распоряжается.

Я внезапно вспоминаю, что не успел вчера прослушать содержимое флэшки.

— А ну, пойдём, — говорю я. — Послушай вместе со мной. Это то, что осталось от одной девушки. Убитой.

Включаю компьютер. Механический неживой голос продолжает с того места, где прервался вчера.

"… сегодня, без пяти пополудни. Скажи герцогу д'Альберу, пускай пришлёт арбалетчиков".

" Информацию жду до завтра. И будь любезна уложиться в срок".

" Бельгийцы вконец обнаглели. Ты уже читала ноту, надеюсь? К вечеру подготовь меморандум. Обломаются. Накидаем им паровоз с прицепом".

" Сделку с иранским купцом ратифицирую. Пускай…"

Я механически выключаю прослушивание. До меня ещё не доходит. Я ещё не могу связать воедино то, что услышал. Я…

Мир перед глазами плывёт. Задыхаюсь. Хватаю воздух открытым ртом. Ощущение такое, будто саданули со всей дури ломом под дых. "Накидаем им паровоз с прицепом. Паровоз с прицепом. С прицепом!!!"

— Капитан, что с тобой? Капитан!? — кричит откуда-то из другого пространства Артём.

Мир перестаёт плыть и замирает. Это совпадение, орёт, надрываясь, кто-то во мне. Дурацкое совпадение. Мало ли кто употребляет в речи этот прицеп.

Никакого совпадения, внезапно осознаю я. Никакого. Андрюхин. Отличный друг и верный товарищ. Безотказный. У которого всегда можно перехватить до получки. Непьющий и некурящий. Работающий как стадо волов.

Тогда в машине он сказал… Чёрт, как же он сказал. "Видал таких, как она. Типичная истеричка и стерва". Но он ведь не видел Настю. Не знал, о ком идёт речь. Он слышал только фамилию и имя, их назвал Виктор.

Получается, что знал. Знал, кто такая Маркова Анастасия Викентьевна. Видел её воочию в том безлюдном месте, о котором говорила Настя. И знал, что у неё остались его сообщения. Поэтому, убив её, уничтожил всю электронику. А предварительно позвонил мне, убедился, что я дома. До этого, наверняка, названивал целый день, проверял. И как только положил трубку, отправился к ней. Сказал, что от меня, помахал удостоверением `Антивирта' в дверной глазок.

— Валенок, да что с тобой? Валенок! — кричит Артём. Я не обращаю внимания.

Постепенно прихожу в себя. Мне не поверят, отчётливо понимаю я. Допустим, я скажу шефу. И что? Обезличенный голос на диске — не доказательство. В конце концов, на нём может быть записан кто угодно. Ночной звонок тоже не доказательство. Не говоря о случайно оброненной фразе. Шеф попросту поднимет меня на смех. Или позовёт Андрюхина и попросит пересказать при нём. Его слово против моего. И всё.

Андрюхин улыбается мне с фотографии на стене. Мы стоим рядом, касаясь друг друга локтями, радостные, возбуждённые. Снимал шеф, праздновали десятилетие "Антивирта". Друзья-соратники…

— Да очухайся ты уже, чёрт возьми!

Какое-то время оцепенело гляжу Артёму в глаза. Затем рассказываю ему. Рассказываю всё. Служебная тайна. Какая, к чертям, тайна. С кем. От кого…

— Красавчик, — говорит Артём, разглядывая фотографию. — Это, значит, и есть товарищ Сталин. Надо же… Андрюхин, говоришь? Его надо грохнуть.

— Что!!!?

— Что слышал. Грохнуть. Спустить. Замочить. Называй, как хочешь. На барахолке можно легко взять левую пушку. По дешёвке. Ах да, у тебя же должна быть служебная.

— Ты спятил?

— Это ты спятил, Валенок. Твоего дружка надо грохнуть, ты понял?

Я жалею, что сказал ему. Хотя бы потому, что он прав.

— Ты как себе это представляешь? Я пойду и пристрелю его? Человека, которого называл другом? Тем более, что всё это может быть совпадением.

— Эх ты, Валенок, — говорит Артём. — Его надо грохнуть по-любому. Даже если совпадение, даже если это не он. Что, не понимаешь? Его жизнь по сравнению с тысячами других.

— Понимаю, — говорю я тихо. — Понимаю. Только я не смогу.

— Ясно, — он усмехается криво. Как тогда, в палате реабилитационного центра. — Я, в общем-то, так и думал.

Он встаёт и двигается на выход. Останавливается в дверях и говорит насмешливо:

— Валенок, — и захлопывает дверь.

Я остаюсь один. Его надо грохнуть, сказал этот мальчишка. Грохнуть. Даже если совпадение. Даже если это не он.

Я не смогу. Я — не смогу. Не смогу!

Через три дня Андрюхина хоронили. С почестями, венками от друзей и залпами из табельного оружия. Меня, впрочем, на похоронах не было. Я находился в это время в тюрьме. В следственном изоляторе.

— Свидание полчаса, — говорит сержант и отпирает зарешёченную дверь.

Он сидит, ссутулившись и низко опустив бритую голову. Тощий, едва не дистрофик.

— Здравствуй, Артём, — говорю я.

Смертной казни у нас нет, его ждёт пожизненное. На его месте должен был сидеть я. Мне, впрочем, пожизненного бы не дали. С учётом прежних заслуг огрёб бы пятнашку.

— Зачем ты это сделал, Артём?

Он молчит. Долго, потом поднимает голову.

— Уходи, Валенок, — говорит он. — Ты всё равно не поймёшь. Уходи, не о чем говорить.

Я отворачиваюсь, иду к двери. Он прав, я не понимаю. Он влез в то, что его не касается. В дело, где он ни причём. Его никто не принуждал. Он…

— Валенок, — говорит он мне в спину.

Я оборачиваюсь. Мы смотрим друг другу в глаза.

— Я тебе сказал однажды, — говорит он. — Я — не кидаю. Теперь уходи.

Сержант отпирает мне дверь. Я бреду по тюремному коридору. Надо напиться. Нажраться в стельку, в драбадан, в хлам. Может быть, тогда не будет так больно.

— Надо работать, Валя, — говорит шеф. — Да, знаю, да, тяжело. Нам всем тяжело, он был отличным парнем. И специалистом отменным. Но его больше нет. А мы — есть, и…

Во внутреннем кармане у меня заявление с просьбой уволить по собственному желанию. Я сглатываю слюну — осталось вытащить его и бросить на стол. Рассказать шефу о том, что произошло, я не в силах.

— Поступила любопытная информация, — шеф протягивает листок бумаги. — Только что доставили, прямо перед твоим приходом. Я распечатал, на, почитай.

Я читаю. Буквы расплываются перед глазами, слова не складываются во фразы, я считываю лишь их обрывки.

"…В связи… заговор герцогини де Шале… вовремя раскрыт… понесла наказание… аккаунт аннулирован… бдительность… т. Сталин".

— Похоже на намеренно организованную утечку, — говорит шеф. — Но, возможно, и подлинная.

До меня ещё не доходит. Не понимаю. Не знаю. Не знаю, как буду жить дальше.